

УДК 001

Свистунов Андрей Владимирович

соискатель кафедры философии и социологии,

Адыгейский государственный университет

urfranrostov@gmail.com

Andrey V. Svistunov

Candidate of the Department of philosophy and sociology,

Adyghe state University

urfranrostov@gmail.com

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ТРАДИЦИЙ В ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

RECONSTRUCTION OF THE ORTHODOX TRADITION IN POST-SOVIET SOCIETY

***Аннотация.** В статье анализируется процесс реконструкции православных традиций в современном российском обществе. Процесс реконструкции обусловлен прерыванием религиозной традиции в советский период и потребностями религиозного возрождения на исходе XX – нач. XXI вв. В качестве примера рассматриваются почитание новых святых и новации в ритуально-обрядовой практике. Отмечается, что процесс реконструкции не означает восстановление неизменного образца, но фактически создание нового, хотя эти новации понимаются верующими именно как возрождение традиции.*

***Ключевые слова:** религия, православие, традиция, религиозные практики, атеизм, религиозное возрождение, религиозная социализация, реконструкция традиции.*

***Abstract.** The article analyzes the process of reconstruction of Orthodox traditions in modern Russian society. The reconstruction process due to the interruption of religious traditions in the Soviet period and the needs of the religious revival at the end of the XX – early XXI centuries as an example, discusses the veneration of the new saints and innovations in ritual practice. It is noted that the process of reconstruction does not mean the restoration of the unchanged sample, but in fact the creation of a new one, although believers understand these innovations as the revival of tradition.*

***Keywords:** religion, Orthodoxy, tradition, religious practices, atheism, religious revival, religious socialization, reconstruction of tradition.*

Советский период отечественной истории привел к разрушению механизмов религиозной социализации, забвению и прерыванию православных традиций, а также их деформации и подмене православных обрядов сохранившимися языческими практиками и суевериями, возникшими уже в исторический период, но воспринимаемыми как древние.

Подавляющее большинство населения СССР (особенно население славянских республик) к моменту распада Союза были воспитаны в атеистическом духе. Лишь в незначительном количестве семей сохранялись какие-то элементы православной традиции, осуществлялась религиозная социализация. Для большинства же «православный образ жизни», обычная рутина православного верующего, даже не слишком усердного, оказались совершенно утраченными или замененными формами нехристианской народной обрядности. В результате новообращенные россияне оказались перед необходимостью восстанавливать, реконструировать утраченную традицию.

Конечно, большую роль в этом играла и играет сама церковь, но религиозное чувство и поиск верующих также определяли этот процесс. И если церковная реконструкция опиралась на достаточно прочный фундамент выжившей, несмотря ни на что внутрицерковной традиции и преемственности, то реконструкция «народного православия» содержала значительный элемент не просто «реконструкции», но конструирования. Чаще же можно говорить о формировании определенных поведенческих практик, находящихся как бы на границе между традицией и инновацией, о гибриде «реконструкции» и «конструирования». К новым практикам можно отнести, например, борьбу с оскорблением чувств верующих, т.е. специфический способ защиты формирующейся религиозной идентичности [10]. Но нас здесь интересует именно реконструкция традиций, а не инновации.

Мы рассмотрим в этой статье два типа явлений, связанных, на наш взгляд, с реконструкцией православной традиции: феномен «новых святых» и конструирование новых обрядово-ритуальных практик.

Практика почитания святых – древнейшая православная традиция, одна из наиболее близких и понятных народу, далекому от теологических споров и часто – от глубокого этического и онтологического содержания вероучения. Святые выступают в качестве защитников и покровителей, народная вера «классифицирует» их в соответствии с особыми «сферами ответственности». Само по себе, народное почитание святых способно перерасти в формы, близкие язычеству, однако это неотъемлемый элемент православия. В современных условиях помимо традиционных, признанных и утвержденных Церковью святых, возникают новые святые, часть из которых Церковь оказалась вынужденной признать, часть же пользуются почитанием независимо от отсутствия признания со стороны Церкви. При этом, характер новых святых часто имеет своеобразный «гибридный» характер – некоторые потенциальные «святые» оказываются объектом поклонения не только за христианские добродетели и духовный подвиг, а некоторые вообще оказываются за рамками православия. Так, например, среди православных верующих сегодня есть сторонники канонизации Г. Распутина, Ивана Грозного – очевиден современный политический и идеологический контекст, порождающий такие идейные поветрия среди православных. Этот контекст

определяется не только общим идейным кризисом, переживаемым современным российским обществом, но и новым религиозным прочтением всей российской истории некоторыми представителями православной церкви и верующими. Точнее, новым прочтением старой идеи об особой миссии России в мире. Эти аспекты современного православия остаются еще малоизученными сегодня, потому мы можем опираться лишь на незначительное количество исследований и наблюдений. О мировоззренческих основаниях движения за канонизацию Распутина А. Шмелев пишет так: «Попытаемся выявить и обозначить ту смысловую перспективу, в которой строится и развивается убеждение в святости "старца Григория". Вот эта логика!

Внутренний, сокровенный смысл мировой истории заключен в том, что на протяжении тысячелетий идет сражение между "древним змием", олицетворенным евреями, и христианами-праведниками. Для заключительного этапа этой сакральной драмы площадкой выбрана именно Россия, поскольку именно Россия оставалась к началу XX века единственным носителем правой веры и святости. Эта правая вера удерживалась, только благодаря особому, нигде более не существовавшему единству монарха и народа. Именно в это единство и целил древний змий. Разрушение этого единства открывает дверь для прихода в мир Антихриста. Николай и Александра глубоко понимали сакральный смысл событий. Само бытие царской семьи – это факт сопротивления силам тьмы. Для врага рода человеческого главной целью в XX веке было именно уничтожение этой семьи. Непосредственно инструментом сатаны были евреи (масоны), но при этом и весь русский народ обольстился – все сословия предали своего Царя, в том числе и его ближайшее окружение, его родственники и вельможи. (...) Царь был послан для того, чтобы своей гибелью искупить вину всего народа. Рядом с ним и на одном уровне его понимания этой сакральной драмы были лишь Григорий Распутин и Анна Вырубова. Григорий был послан для того, чтобы оберегать Царя и наследника, и потому он должен был быть убит первым. Григорию было открыто его предназначение, и потому он предсказал, что если он будет убит первым, то погибнет и царская семья. Сами убийства Григория-мученика и Царя-искупителя были осуществлены по одной схеме и обставлены сходными сакральными символами (надписи на немецком языке, сожжение трупов» [15].

Таким образом, канонизация Распутина вытекает из специфической мифологии, причем эта мифология имеет своим истоком не только творчество рядовых верующих, основанное на вере в особую мистическую роль России и русского народа, но и труды одного из наиболее влиятельных консервативных мыслителей среди представителей православного духовенства – ныне покойного митрополита Иоанна (Снычева). Его труды до сих пор переиздаются и пользуются среди многих православных верующих популярностью.

Другой пример – попытки многих православных позитивно интерпретировать фигуру И. Сталина. Сталин выступает одним из героев неофициальных агиографий одной из наиболее известных новых святых – Матроны Московской. Из одобренной РПЦ агиографии Матроны этот эпизод исчез, однако он был популярным элементом рассказов о Матроне еще до её канонизации и остался таковым и сейчас. Существует и неофициальная икона, изображающая данный эпизод жития святой (и Сталина). В годы войны Сталин, якобы, встречался со святой, которая сообщила ему, что Москва не будет сдана врагу. Образ Сталина оказывается совершенно иным в таком контексте, на него как бы ложится отблеск святости, носителем которой является Матрона.

Легенда о встрече Сталина и св. Матроны интересна именно как пример появления новых, обусловленных советским и постсоветским наследием, мотивов в традиционной практике создания агиографий. В этой легенде сплетаются религиозные и политические реалии, попытка осмыслить войну в религиозных терминах. Последствия официальной, советской политической идеологии, синтезировавшись с архаичным российским почитанием царя, возможно, привели к конструированию нового образа Сталина – он перестал быть «просто» руководителем государства, человеком, занявшим определенный пост, но превратился в мифологический персонаж. Это проявляется не только в легенде о его встрече с Матроной, но более отчетливо – в убеждениях некоторых маргинальных православных групп, для которых Сталин в буквальном смысле является сакральной фигурой, а не «светит отраженным светом», как в легенде о Матроне.

Следует отметить, что существует схожая легенда о другой старице – матушке Севастьяне, к которой приходил генерал Жуков: «Старица духовно окормляла священников, монашествующих и мирян. Известно, что незадолго до войны приходил к ней Георгий Константинович Жуков. В то время многие из его окружения пострадали, великий военачальник не был уверен, что останется на свободе, сможет ли послужить ещё Родине. Старица утешила его: «Всё будет хорошо, твоя победа будет!»» [2].

Молитвы и своеобразные магические действия стариц сыграли важную роль в спасении Москвы во время войны: «Когда началась Великая Отечественная война, враг рвался к Москве, она уверенно говорила верующим: «Москва – это ум на замке. И Москва на замке. Враги не войдут в неё. К Рязани не подойдут и близко, там такие великие столпы!» (Незадолго до начала войны старица Ольга и старица Севастиана закрыли Москву от врага «на замок» — они ночью с молитвой из одной точки в разных направлениях отправились по Садовому кольцу, встретившись, вышли на Бульварное кольцо и снова направились навстречу друг другу)» [2].

Таким образом, мы наблюдаем синтез советской и православной мифологии, война становится частью сакральной истории России.

Образ самой Матроны порожден народной религиозностью и имеет советские корни. В списке её чудесных деяний встречаются эпизоды,

связанные с реалиями советской жизни, в частности, коллективизации. Матрона чудесным образом помогает одной семье избежать вступления в колхоз. С решением реальных жизненных проблем людей, вовсе не обязательно являвшихся «духовными учениками», имели дело практически все рисуемые современными повествованиями старицы и матушки. Создается впечатление, что решение жизненных проблем – это и есть их основная функция, что несколько выводит их за пределы проблем сугубо религиозных и духовных.

Официальная агиография св. Матроны базируется на отредактированной истории её жизни, написанной Зинаидой Ждановой. О самой Зинаиде Ждановой практически ничего неизвестно, кроме скудных данных, которые она о себе кратко сообщила в книге. Вполне возможно, что имя автора – псевдоним. Сама история Матроны в книге представлена в виде рассказов о ней людей, знавших старицу. Современные исследователи предполагают, что рассказы действительно были записаны, но неизвестно, кем и когда. Язык этих рассказов и сам стиль повествования далек от канонов агиографии. В частности, там практически нет обязательных для житий святых сюжетов. «А. Шантаев называет «Сказание о житии...» и ряд других современных агиографических сочинений о старицах «агиографическим китчем», упрекая авторов за отход от житийных канонов» [7].

Активное обращение к образу Матроны, возможно, связано с идентификационными процессами, которые происходят не только на макро-, но и на микроуровне социального взаимодействия. Книга Зинаиды Ждановой была издана в 1993 г. в издательстве Ново-Голутвина монастыря в Коломне. Ж. Кормина пишет: «Любопытен сам факт появления такой книжки в недавно открытом женском монастыре. Можно предположить, что занятые устройением монастырской жизни насельницы, в основном молодые и образованные, инициировали кампанию по подготовке канонизации старицы Матроны, планируя сделать ее «своей» святой, которая привлечет в их обитель паломников и инвестиции. Однако после прославления Матроны в 1999 г. как местночтимой московской святой ее мощи были переданы в московский Покровский монастырь на Таганке. Вероятно, так церковные власти решили поддержать только что начавшую функционировать обитель, которой еще предстояло решить труднейшую задачу освобождения монастырских зданий в центре Москвы от многочисленных светских обитателей. И действительно, мощи Матроны оказались внушительным символическим капиталом; они обеспечили массовый приток паломников и стали основой нынешнего процветания монастыря» [7].

Интересно отметить также, что Матрона – первая канонизированная РПЦ старица – что связано с другим интересным феноменом – реконструкцией старчества. Матрона жила в тот период отечественной истории, когда верующие не имели доступа к священникам, а их функции выполняли миряне, в том числе женщины. Но старицы не столько заменяли

священников, что было невозможно, сколько именно помогали страждущим – советом ли, прозорливостью или молитвой. В постсоветское время стала появляться литература о них, совсем не обязательно научная. В 1994 г. была издана книга А. Ильинской «Матушки земли русской. Духовные очерки о православных подвижницах века сего» [6] или книги Г.П. Дурасова «Богом данная. Жизнеописание блаженной старицы схимонахини Макарии» [3], позже – А. Жоголева «Блаженная схимонахиня Мария» [5], С. Девятовой «Православные подвижницы двадцатого столетия» [2], сборник «Святые матушки и подвижницы земли Русской в XX веке просиявшие. Жития, чудеса, воспоминания» [13] и множество других. При этом, открытым остается вопрос о реальном существовании описываемых персонажей. Однако, если святой или святая начинают активно почитаться, проблема их реального прототипа отодвигается на второй план, главное – его символическое существование.

Авторы современных описаний историй старцев, старцев и подвижников часто далеко отходят от требований канона. Исследователи отмечают: «Авторы житий порой настолько увлекаются, что творят такие литературные иконы святых, которые не только не соответствуют устоявшейся агиологии и содержат имплицитную критику церковной элиты и канонических форм православного обихода, но просто выглядят дико для просвещенного представителя церковной интеллектуальной элиты. Порой эти диссонансы настолько вопиющи, что авторам житий приходится вносить значительную правку в образ святого» [8].

Таким образом, современные повествования о святых подвижниках представляют собой не просто продолжение традиции агиографии, но реконструкцию этой традиции, что находит выражение в изменении стиля повествования, трактовке образов главных героев – в их «народности» - приближенности к реальной жизни простых советских людей и их проблемам, оттеснении духовной проблематики проблематикой жизненной, вписывании ключевых событий советской истории в православную сакральную историю.

Следующий феномен, демонстрирующий практику реконструкции традиции – это реконструкция обряда. В качестве примера рассмотрим обряд Крещенских купаний, завоевавший в последние годы широкую популярность. Крещение – второй по популярности православный праздник после Пасхи. Однако инновация – это, конечно, не сам праздник Крещения Господня, а обычай окунаться в прорубь. О том, что эта практика - нетрадиционная, свидетельствует отсутствие единства мнений о нем в среде православного духовенства. Многие священники выступают против этой практики, но другие склонны к её принятию.

В одном из интервью дьякон А. Кураев говорил: «Никакого православного церковного правила, зазывающего людей лезть в прорубь или побуждающего это делать, не существует! (...) Нет никакого церковного представления о том, что купание в проруби на Крещение как-то сказывается

на греховности человека, очищает его от грехов. Это неправда! Человека очищает от грехов одно единственное крещение, когда в церкви священник его крестит во имя Отца и Сына и Святого Духа. А все эти моржевания к церковным догматам не имеют ни малейшего отношения» [9].

Епископ Домодедовский Евтихий также отвергает эту практику, утверждая, что «Крещенские купания для Русской Православной Церкви не традиционны, не основаны ни на святоотеческом опыте, ни на святоотеческом наставлении. Отец архимандрит Иоанн (Маслов) на уроке литургии в Московской духовной семинарии рассказывал нам об одном батюшке, который нарочно «выранивал» крест в прорубь, чтобы окунуться самому; нам он преподавал это в качестве отрицательного примера. Зная многих глубоко верующих людей с самого детства, я ни от одного из них не слыхивал о крещенских купаниях!» [4].

Епископ Мелекесский и Чердаклинский Диодор также высказывался против крещенских купаний: «После того, как совершается великое освящение воды, начинается странное действие: люди раздеваются и начинают бросаться в прорубь. Ответственно заявляю: прощение грехов в холодной проруби, даже если это освященная вода, никто ни при каких обстоятельствах не получает. Если бы это было так, я бы первый пошел купаться в эту прорубь. Прощение грехов мы получаем от Господа при условии, что искренне раскаиваемся и меняем свою жизнь. А не то, что вот кто-то из вас залез в прорубь, а потом вылез из нее, да еще и водки хряпнул по случаю того, что накупался. Какое прощение грехов? Простите меня, конечно, но к Церкви этот обряд никакого отношения не имеет» [11].

Таких высказываний можно привести много. Критики часто отмечают языческий, а не христианский характер ритуала. А. Кураев в уже процитированном выше интервью замечает: «Церковь всегда выступала против любого оккультного использования крещенской воды, тем более в такой большой праздник как Крещение. Не стоит его портить языческим поганством».

В то же время, официальная позиция РПЦ по отношению к купаниям не определена отчетливо, сам факт присутствия священников в этих обрядах (хотя сами они, естественно, не окунаются), уже как бы делает обряд признанным Церковью. Важно, что Патриарх Кирилл также практически одобрил эту практику: «Мы знаем, что в последнее время все больше и больше людей в холодную крещенскую ночь идут на открытые водоемы для того, чтобы погрузиться в эти воды. И, наверное, может быть, кто-то начинал это делать в подражание своим предкам, желая себя испытать в удали, желая себя приобщить к народной традиции. Но сегодня уже совершенно очевидно, что те, кто окунулся в крещенскую купель, приобщились не столько к народной традиции, не столько к обычаю предков, — из этой купели многие стали выходить другими, почувствовав силу Божественной благодати. Конечно, не так просто эту Божественную благодать удержать. Проходит день-два, и потом человек в круговерти повседневной жизни начинает

забывать этот опыт, но не полностью, потому что приближаются крещенские дни — и снова встают люди в длинные очереди, чтобы в холодную погоду соприкоснуться с освященной водой» [11].

В этих словах Патриарха зафиксирован и относительно новый характер этой практики, и связь её с нерелигиозными мотивами, и в то же время — делается попытка истолковать её в духовном смысле. Патриарх идет навстречу «низовым тенденциям», проявляющимися в среде верующих, что говорит об одобрении этой реконструированной традиции. Хотя её полуязыческий, отмечаемый многими критиками характер, — это определенное свидетельство о специфике современного массового православия в России. Крещенские купания можно рассматривать не только как конструирование нового православного обряда, но и как реконструкцию языческой практики, хотя этот момент не осознается самими участниками действия.

Реконструкция православных практик происходит не только на уровне массовых унифицирующихся практик — наподобие Крещенских купаний, охватывающих множество верующих и духовенство. Следует помнить, что после перерыва православной традиции подавляющее большинство нынешних верующих просто не знает, что значит быть православным, как должен вести себя православный. В результате, возникают сконструированные синтезированные практики, используемые верующими самостоятельно. Например, С.В. Рязанова на основе эмпирического исследования православных верующих пишет о таких практиках:

«Церковная обрядность получает расширительные, прикладные и полумифологические, основанные на принципе мифической партиципации, трактовки. Особенно часто это применяется к обрядам, имеющим материальные элементы — свечи, святую воду, иконы и др. «Нельзя использовать спички при зажигании лампадки или свечки. В спичке содержится сера, а сера — материал дьявола. Необходимость подходить к исповеди со свечой. Когда ставишь свечку на канон, нельзя подтапливать низ свечи, а то покойнику ноги подпалишь. Нельзя зажигать свечку от другой свечи, иначе перейдут все болезни и беды того человека, что ее ставил». «Через левое плечо свечку передавать нельзя — таким образом ты проклинаешь того, через кого передаешь. Также говорят, что нельзя зажигать свою свечу от других, так можно на себя взять чужие грехи... Чтобы человеку было плохо (чтобы, например, врагу отомстить), ставят свечи на канун за живых людей. Перед всеми иконами надо свечи поставить, да потолще. Если свеча сгорит полностью, то исполнится загаданное желание. Количество покупаемых свечей должно быть обязательно четным. Нельзя задувать свечу, надо о подсвечник гасить, или пальцами: в один храм бес зашел, дунул, и все свечи погасли. Человек приходит в храм поставить свечу, чтобы исполнилось его желание. При этом тот, кто ставит свечу, загадывает желание и ждет, пока она догорит, считая, что желание из-за этого исполнится. Бывает, какая-

то бабушка две свечки купит, закрутит одну за другую, ставит их так, зажигает и молится. Это чтобы дети "жили мирно и счастливо"» [12].

Эти, как и множество других, ритуальных действий, соединяют в себе элементы православной веры, бытовых знаний и суеверий, искаженных научных идей, вездесущее влияние Нью Эйдж, но воспринимаются людьми как следование православной традиции. И многие подобные практики люди действительно перенимают от других верующих, т.е. присущий традиции механизм – передачи знания непосредственно в общении и во взаимодействии – воспроизводится. Можно говорить о формировании новых традиций – конструировании или реконструкции, в зависимости от того, сколько «нового» присутствует в каждой из таких практик. Важно не наличие или отсутствие приставки «ре», а тот факт, что православная традиция (то, что понимается под этой традицией верующими) – выстраивается в постоянных действиях людей в режиме реального времени. Эти новые практики могут быть вообще не известны духовенству – как официальным экспертам по православию, или же духовенство оказывается вынужденным как-то реагировать на них – и часто принимать, как мы это видели на примере отношения к Крещенским купаниям, но это не уникальный пример. Так, в ходе ежедневной деятельности верующих конструируется современное православие, сочетающее в себе элементы старого и нового.

Не только православие, но и другие традиционные конфессии в России, в той или иной степени, реконструируют и конструируют «традиционные» модели поведения. Именно ослабление собственной исламской традиции привело к распространению исламского радикализма на Северном Кавказе, и сегодняшняя исламизация образа жизни на Кавказе предстает, во многом, именно как реконструкция ислама в обществе, которое в советский период было хоть и не полностью, но в значительной степени секуляризовано. Следует отметить, что тенденция к реконструкции исламских традиций наметилась еще в эпоху «застоя» – в 70-80-е гг. XX века и была обусловлена противостоянием официальной советской идеологии и ростом националистических настроений. Но еще на ранней стадии вооруженного противостояния центральной власти на Северном Кавказе ислам занимал не слишком заметное место в идеологии сепаратистов, его влияние выросло позже. Однако анализ ситуации с исламом требует отдельного исследования.

Процессы реконструкции православных традиций тесно связаны с процессом конструирования постсоветской коллективной идентичности, в которой православие занимает весьма заметное место. Подавляющее большинство россиян причисляет себя к православным.

Литература

1. Девятова С. *Православные подвижницы двадцатого столетия.* [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/fiction/pravoslavnye-staricy-xx-veka/#n15>.

2. Девятова С. *Православные подвижницы двадцатого столетия.* – М.: Артос-Медиа, 2009. – 315 с.
3. Дурасов Г.П. *Богом данная. Жизнеописание блаженной старицы схимонахини Макарии.* – СПб.: Сатисъ, 1994.
4. Епископ Домодедовский Евтихий. *Почему я против крещенских купаний.* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravmir.ru/pochemu-ya-protiv-kreshhenskix-kupanij/>.
5. Жоголев А. *Блаженная схимонахиня Мария.* – Рязань: Зерна, 2006.
6. Ильинская А. *Матушки земли русской. Духовные очерки о православных подвижницах века сего.* – М.: Литературная учеба, 1994.
7. Кормина Ж. *Политические персонажи в современной агиографии: как Матрона Сталина благословляла// Антропологический форум.* 2010. №12.
8. Кормина Ж., Штырков С. *Старица и смерть: заметки на полях современных житий // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом.* 2014. № 1 (32). С.107-130.
9. Кураев: не нужно портить Крещение языческими ритуалами. [Электронный ресурс]. URL: <https://newsland.com/user/4297697512/content/kuraev-ne-nuzhno-portit-kreshchenie-iazycheskimi-ritualami/4123563>.
10. Матецкая А.В. *Оскорбление религиозных чувств верующих: российский контекст // Гуманитарные и социальные науки.* 2015. № 6. С. 36-45.
11. *Проповедь Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Крещения Господня в Богоявленском кафедральном соборе г. Москвы.* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3955403.html>.
12. Рязанова С.В. *Русское православие в современном обществе // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук,* 2014. № 4. Том 14. С.35-49
13. *Святые матушки и подвижницы земли Русской в XX веке просиявшие. Жития, чудеса, воспоминания.* – М.: Литопис, 2010. – 442 с.
14. Ульяновский епископ назвал крещенские купания балаганом. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ridus.ru/news/242082.html>.
15. Шмелев А. *Канонизация Григория Распутина и учение о русской теократии.* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.anti-raskol.ru/pages/1474>.

Literature

1. Devyatova S. *Orthodox devotees of the twentieth century.* [Electronic resource]. URL: <https://azbyka.ru/fiction/pravoslavnye-staricy-xx-veka/#n15>.
2. Devyatova S. *Orthodox devotees of the twentieth century.* – М.: Artos Media, 2009. – 315 pages.
3. Durasov G.P. *God this. Biography of blissful Staritsa of a skhimonakhina Makari.* – SPb.: Сатисъ, 1994.

4. Bishop Domodedovo Evtikhy. *Why I against Epiphany bathings*. [Electronic resource]. URL: <http://www.pravmir.ru/pochemu-ya-protiv-kreshhenskix-kupanij/>.
5. Zhogolev A. *Blissful схимонахиня Maria*. – Ryazan: Grains, 2006.
6. Ilyinskaya A. *Mothers of the Russian land. Spiritual sketches about orthodox devotees of this century*. – M.: Literary study, 1994.
7. Kormina Zh. *Political characters in a modern hagiography: as Stalin's Matron blessed*//the Anthropological forum. 2010. No. 12.
8. Kormina, Shtyrkov S. *Staritsa and death: marginal notes of modern lives*//the State, religion, Church in Russia and abroad. 2014. No. 1 (32). Page 107-130.
9. Kurayev: *it is not necessary to spoil the Epiphany pagan rituals*. [Electronic resource]. URL: <https://newsland.com/user/4297697512/content/kuraev-ne-nuzhno-portit-kreshchenie-iazycheskimi-ritualami/4123563>.
10. Matetskaya A.V. *Insult of religious feelings of believers: Russian context*//Humanitarian and social sciences. 2015. No. 6. Page 36-45.
11. *A sermon of the Most Saint Patriarch Kirill on a holiday of the Baptism of the Lord in the Bogoyavlensky cathedral of Moscow*. [Electronic resource]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3955403.html>.
12. Ryazanova S.V. *The Russian Orthodoxy in modern society*//the Scientific year-book of Institute of philosophy and the right of the Ural office of the Russian Academy of Sciences, 2014. No. 4. Volume 14. Page 35-49
13. *Saint mothers and devotees of the Russian land in the 20th century lit up. Lives, miracles, memoirs*. – M.: Litopis, 2010. – 442 pages.
14. *The Ulyanovsk bishop called Epiphany bathings a buffoonery*. [Electronic resource]. URL: <https://www.ridus.ru/news/242082.html>.
15. Shmelyov A. *Grigory Rasputin's canonization and the doctrine about the Russian theocracy*. [Electronic resource]. URL: <http://www.anti-raskol.ru/pages/1474>.